

Л. АВЕРБАХ*

О пометках Ленина на статье В. Плетнева**

<Фрагмент>

Дискуссия, развернувшаяся в «Большевике» по вопросам культуры, чрезвычайно показательна. Чем дальше, тем больше нашей партии придется уделять внимания той культурной революции, о которой говорил Ленин. Ведь эта культурная революция не надуманная абстракция, не утопическое измышление какой-либо группы т. т.*** Миллионы и десятки миллионов поднимаются с одной культурной ступеньки на другую. Рабочий класс, ведя за собой крестьянство, и в союзе с ним, овладевает старой культурой и перестраивает ее. И естественно, что мы усиливаем — хотя и далеко недостаточно наше внимание фронту народного образования. Совершенно понятно, что происходящий процесс культурной революции ставит перед нами ряд новых и сложных вопросов, требующих своего разрешения. Вот в чем показатель-

* *Леопольд Леонидович Авербах* (1903–1937) — руководитель Российской ассоциация пролетарских писателей (РАПП) в 1920-х, самый видный из группы коммунистических литературных критиков, которые утверждали, что за большевистской революцией, совершенной в 1917 году во имя промышленного рабочего класса России, должна последовать культурная революция, в которой буржуазная литература будет вытеснена литературой, написанной пролетариатом и для него. Авербах был влиятельной фигурой в русских культурных кругах до тех пор, когда Иосиф Сталин приказал РАПП прекратить свою деятельность (1932).

** *Валериан Фёдорович Плетнёв* (1886–1942) — советский писатель и литературный критик, идеолог Пролеткульта. «Заметки» В. И. Ленина на статье В. Ф. Плетнева широко привлекались историками, искусствоведами, философами и специалистами других наук гуманитарного комплекса при разработке теории и истории социалистической культуры, проблем идеологии, эстетики и других проблем исторического материализма.

*** Сокращение «т. т.» используется как множественное число существительного «товарищ» — «товарищи». — *Ред.*

ность наших, казалось бы, столь «теоретических», споров вокруг пролетарской культуры. Ответ на обсуждаемые принципиальные вопросы кое в чем определяет и нашу политику в деле проведения культурной революции, в направлении ее в нужное нам русло.

Однако, мы еще не научились подходить к этому вопросу со всей той серьезностью, которой он заслуживает. Многим еще он кажется «интеллигентщиной», многим кажется не актуальным, не срочным, а слишком многие отделяются легкомысленными фразами. Это в особенности относится к т. т., взявшимся за обсуждение культурных вопросов. Этой области чрезвычайно не повезло! У нас здесь — скажем прямо — столько безответственности, столько литературских передраг, столько поверхностных наскоков и «заезжательств». Статьи П. Ионова (напр.) совершенно исключительный образец безответственной вульгарной свистопляски вокруг сложных вопросов. А ведь в вопросах культуры нам всем надо прежде и больше всего учиться. Надо понять, что речь идет о новых и сложных проблемах, по отношению к изучению которых больше чем где-либо требуются вдумчивость, серьезность и желание разобраться в сущности дела. Нам необходима здесь коллективная и товарищеская проработка вопроса возможно более широкими партийными кругами. Мы не сомневаемся в том, что придем к этому, несмотря на то, что дым от дискуссий и стычек заслоняет, подчас, поле сражения, прячет от нас то, о чем, собственно, идет речь.

Но, прежде всего, нам здесь необходимо желание быть ленинцами. Только в том случае, думается, сможем мы разобраться в вопросах культуры, если мы сознательно будем ставить себе задачу учебы у Владимира Ильича. Мы можем ошибаться на этом пути, уклоняться — возможно — в сторону, но мы должны хотеть решать проблему на ленинском пути. Ленинизм — целостное учение, одни части в нем пригнаны к другим, между всеми его сторонами имеется теснейшая связь и взаимодействие. И вопросы культуры не составляют исключения!

Некоторым т. т. может казаться, что они правильно разрешают вопрос в духе ленинизма, расходясь в каких-либо вопросах, или хотя бы, в частности с Владимиром Ильичем. Теоретически это мыслимо, конечно. Однако нам еще ни разу не приходилось видеть практического подтверждения такой теоретической возможности. И вот почему мы обязаны добросовестно изучать все и всякие материалы, оставшиеся от Ленина. Учение Ленина о культурной революции — ключ ко всем сегодняшним, и не только сегодняшним, конечно, вопросам строительства пролетарской культуры.

* * *

Больше года тому назад были опубликованы пометки Ленина на статье т. Плетнева. Эта статья появилась в сентябре 1922 г. в «Правде» и послужила поводом к дискуссии, в которой оппонентом тов. Плетневу выступил тов. Яковлев, тогда ещеознакомившийся с пометками Владимира Ильича.

Вся статья Плетнева испещрена рядом подчеркиваний, отметок, замечаний и возражений Ленина. Значение этого документа исключительно велико. Разработка и продумывание всех пометок Ильича дают чрезвычайно много.

Однако, тов. Плетнев стоит на другой точке зрения. Он доволен автором этих строк за то, что вскоре после опубликования разбираемого документа, я полностью солидаризировался с замечаниями Ленина. Тов. Плетневу кажется, что «ряд пометок, подчеркиваний поставлен так, что о смысле их можно много гадать». Тов. Плетнев маскируется в тогу уважения к Ленину, ах, дескать, мы не догадываемся часто о том, почему Ленин сделал то или иное замечание, ах, пусть «товарищи, непосредственно знакомые с творческой мыслью Ильича, дадут в дальнейшем материал к расшифровке ряда заметок Владимира Ильича».

Высокопарно, тов. Плетнев, но неверно! Что значит «непосредственное знакомство с творческой мыслью Ильича?» Может ли быть что-либо «непосредственнее» изучения ленинского собрания сочинений. И почему же, уж если встать на точку зрения, что, может быть, кто-либо иначе «непосредственно» знакомый с творческой мыслью Ильича, почему же и он сможет дать лишь «материал к расшифровке»? Неужели так темен и непонятен смысл замечаний Ильича? Неужели нельзя в них разобраться, особенно, если брать их в контексте со всеми ленинскими мыслями по этому вопросу?

Тов. Плетнев должен был дать ответ на вопрос о том, с чем он согласен и с чем он не согласен из возражений Ленина. Тов. Плетнев пытается прикрыться уважением к Ленину для того, чтобы не ответить на этот вопрос, для того, чтобы укрыться от выявления своего отношения к Ленину. Нет, никак мы не можем такое поведение охарактеризовать, как проявление уважения к Ильичу. Не наоборот ли? Пожалуй, что и наоборот. Ответ лежит в разборе пометок Ленина на статье Плетнева (1922 г.) и теперешних комментариях самого тов. Плетнева (1926 г.).

* * *

«На идеологическом фронте» — называлась статья тов. Плетнева. В ней программно и развернуто ставились вопросы строительства пролетарской культуры, давался ответ на вопрос о целях и задачах пролеткульта и обсуждался ряд проблем пролетарского искусства.

Первая же фраза статьи тов. Плетнева комментируется Лениным. «На 5-м году революции вопросы культуры шире — вопросы идеологии — выдвигаются на первый план». Ильич трижды подчеркивает на полях эту фразу и пишет: «шире». Тов. Плетнев признает теперь, что это крупная ошибка.

В самом деле. Сказать, что вопросы идеологии шире вопросов культуры, может только человек абсолютно непонимающий, что такое идеология и что такое культура. Когда мы говорим о культуре, мы различаем культуру духовную и культуру материальную. Культура того или иного класса всегда представляет собой явление, охватывающее и духовную и материальную культуру. Идеология данного класса только часть культуры класса. Сказать: «вопросы культуры — шире — вопросы идеологии», то же самое, что сказать: «вопросы математики — шире — вопросы арифметики». Признавая теперь свою ошибку, т. Плетнев считает, однако, необходимым привести в качестве смягчающего вину обстоятельства то, что «значительно ранее рассматриваемой статьи» им в «Горне», журнале пролеткульта, давалась правильная постановка вопроса. Объяснение, конечно, своеобразное. Если это ошибка, то почему бы т. Плетневу прямо не признать ее и тем покончить. Зачем сопровождать признание своей ошибки оговорками? Мы увидим дальше, что это не случайно.

«Творчество новой пролетарской классовой культуры — основная цель Пролеткульта». Ильич дважды подчеркивает фразу и недвусмысленно пишет: «ха-ха!» «Выявление и сосредоточение творческих сил пролетариата в области науки и искусства — его основная практическая задача. Этими силами и должна быть достигнута цель, которую Пролеткульт ставит». Ленин пишет сбоку: «примечание выше, шире».

Смысл этих замечаний Ленина настолько ясен, что тов. Плетнев счел возможным для себя понять их. «Здесь в зависимости от “шире” можно понять, что вся культура для Пролеткульта покрывается идеологией, и под этим углом должна пойти работа пролеткульта — это, во-первых, и, во-вторых, что будто бы только Пролеткульт будет строить пролетарскую культуру». Иначе понять эти замечания довольно трудно, однако, они много значительнее, чем это может показаться.

Тов. Плетнев беспрестанно и резко протестует против отождествления или смешения теперешнего Пролеткульта с Богда-

новским. Дата избавления от Богдановской скверны определяется тов. Плетневым, как конец 1920 г. Следовательно, статья тов. Плетнева, написанная в сентябре 1922 г. уже во всяком случае относится к «новой эре» Пролеткульта. И в доказательство того, что Ленин напрасно обвиняет в «старых» грехах т. Плетнева, последний мобилизует постановления Пролеткульта, относящиеся к декабрю 1920 г. и к маю 1921 г. «Это (декларация и основной доклад пленуму Пролеткульта 21 г. — Л. А.) определяло для нас место и задачи Пролеткульта в общем процессе строительства пролетарской культуры. И с этой позиции совершенно иначе освещается цитируемое нами положение нашей статьи с пометками В. И. — (стр. 68)». Но ведь эти утверждения т. Плетнева бьют исключительно по нему и вновь подчеркивают его действительные ошибки. Никакой случайностью нельзя объяснить того, что после верных — поверим тов. Плетневу на слово — решений — мая 21 г., он в сентябре 22 г. совершает такие ошибки.

Основной смысл «ха-ха» Ильича тот, что новую классовую культуру будет строить организация. Ленин обрушивается здесь на старое Богдановское положение, бывшее до «новой эры» т. Плетнева краеугольным камнем деятельности Пролеткульта. Ленин нападает здесь на осторожное протаскивание т. Плетневым осужденных партией пролеткультовских ошибок. Старый пролеткульт характеризовался противопоставлением пролетарского культурного строительства политической работе соввласти и «идеей самостоятельного культурного движения, ведущего работу, аналогичную работе партии в области политики, работе профсоюзов в области экономики». Старый пролеткульт считал, что: «Пролеткульт — есть культурно-творческая классовая организация пр-та, как рабочая партия — его политический орган, профсоюз — организация экономическая». И этой организации должна принадлежать монополия на строительство пролетарской культуры. Тов. Плетнев утверждает, что в 1920 и 1921 г. пролеткультовцы отказались от этих ошибок. Разберемся.

Пролетариат произвел революцию. Он удержал завоевания октябрьской революции в тяжелые годы гражданской войны. Он построил новое государство. Его партия в течение 5-ти лет уже руководит переделыванием старого общества в новое. Культурная революция уже происходит. Она идет через расширение сети народного образования, через кампании ликвидации неграмотности, через вовлечение миллионов масс в общественную жизнь, она рождается величайшим переворотом во всем укладе жизни широчайших масс, совершенном Октябрем. Те ростки пролетарской культуры, которые, по нашему утверждению, существовали еще при капитализме, раз-

виваются и растут. Налицо пролетарская партия, пролетарское государство, пролетарская армия, растущая пролетарская литература, первые признаки похода марксизма во все области науки и т. д. Обстановка невероятно сложна. Нужно суметь обязательно сработаться со спецами и использовать их, нужно заняться прежде и раньше всего ликвидацией элементарной неграмотности многих сотен тысяч и миллионов, а материальные ресурсы ничтожны — у всех в памяти еще сохранилось воспоминание о том, как первые годы нэпа ударили по сети наших школ и просветительных учреждений. И вот приходит тов. Плетнев и декламирует: «творчество новой пролетарской классовой культуры». Ленин дважды подчеркивает: новой. Ну, а кругом то, что происходит? Что вы то, пишущий в «Правде» программную статью по вопросам культуры, что вы, т. Плетнев, предлагаете? «Выявление и сосредоточение сил», объединение их вокруг пролеткульта и выполнение им, пролеткультом, цели, которую он себе ставит, т. е. строительства пролеткультуры?

Работает в холоде и голоде артель людей. Строит она новый дом. Уже закладывается фундамент, уже леса видны. И подходит человек и говорит, вот надо бы новый дом построить, планы у меня есть хорошие и прочее такое... Нет, в самом деле — ха-ха — это лучший ответ.

Ошибка старого пролеткульта заключалась, далее, в том, что он, как мы писали выше, противопоставлял свою работу строительной деятельности соввласти, руководимой нашей партией. Он сосредоточивал свою деятельность в некоторых областях идеологии, причем они тем значительнее для пролеткульта, чем дальше они от нашей практической борьбы (искусство, философия). Такова ли должна быть линия деятельности пролетарской культурно-просветительной организации, т. е. Пролеткульта? И вот на втором году «новой эры» пролеткульта тов. Плетнев пишет «вопросы культуры — шире — вопросы идеологии». Так ли уж случайна эта описка? Не — в лучшем случае — не инерция ли деятельности старого Пролеткульта крылась за этой ошибкой тов. Плетнева? И не старые ли ошибки старого Пролеткульта воскресали, когда тов. Плетнев писал, что «этими силами (т. е. выявленными и сосредоточенными около Пролеткульта. — Л. А.) и должна быть достигнута цель, которую пролеткульт себе ставит»? Старый пролеткульт не только претендовал на монополию в строительстве пролетарской культуры. Старый пролеткульт рассматривал себя, как своеобразную культурную партию: «пролеткульт должен непосредственно включать лишь культурный авангард пролетариата, индустриальный, и при том его элементы наиболее передовые и сознательные в культурном отношении». Тов. Плетнев

в своей статье, от сентября 22 г., — опять, по существу, повторял то же — этими, собранными у пролеткульта силами, он предполагал строить пролетарскую культуру.

Не таков ли смысл замечаний Ленина на этом абзаце статьи т. Плетнева? Последний пишет теперь: «за этими пометками ясно стоит отрицательное отношение В. И. к положениям А. Богданова о пролетарской культуре, и естественно, что удар пришелся и по пролеткульту, переживавшему в этот момент первый сдвиг с позиций 1918–1920 гг. Это усугубилось, конечно, ошибкой статьи в слове «шире» (стр. 68). Неверно это, тов. Плетнев! Напрасно вы переадресовываете Богданову удар, направленный против вас. Это по ошибкам Плетнева ударял Ленин. И вовсе эти ошибки связаны не только со словами «шире», как мы показывали выше.

Было чрезвычайно тревожно то, что на втором году «новой эры», тов. Плетнев повторял старые пролеткультуровские ошибки. В десятки раз более тревожно то, что тов. Плетнев не хочет их признавать сегодня. Во много раз более опасно сегодняшнее дипломатничанье и маневрирование тов. Плетнева около осужденных т. Лениным и всей партией ошибок его статьи.

Читатель отметил уже выше, что Ленин дважды подчеркнул упоминание о практической задаче пролеткульта. Вопросу о практических задачах, конкретных путях их осуществления, фактически имеющейся деятельности — все время приковано вниманием Ленина. Об этом свидетельствует целый ряд сделанных им пометок. Мы разберем ниже смысл каждой из них. Но тов. Плетнев продолжает сохранять недоумевающий и непонимающий вид. В его статье имелось следующее место: «Каковы же конкретные формы этой борьбы в области культуры». Ленин сбоку ставит нота-бене с плюсом (NB+), и нота-бене с плюсом за Плетнева. И вот тов. Плетнев меланхолично пишет: «NB+ в чем сущность этой пометки? Отметить с плюсом попытку конкретно поставить вопрос или иное? Не знаем. И комментировать этого не решаемся». И до чего же он наивен, этот тов. В. Ф. Плетнев.

Продолжим цитату из статьи тов. Плетнева: «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата. Сколько бы ни было у нас пришельцев из буржуазного лагеря, сколько бы ни “прияли” они классовую точку зрения, все же это будут единицы, быть может, очень ценные, но решающего значения они иметь не будут. Идея становится силой, когда ею овладевают массы». Ильич пишет сбоку: «и/а крестьяне».

Тов. Плетнев пишет: «В пометке стоит знак вопроса. Это крайне важно. Мы принимаем эту пометку за вопрос, на который В. И.

требует от нас ответа. Ответа по вопросу огромному — и вслед за этим тов. Плетнев (с. 69–70–71) отвечает на этот вопрос. Мы не будем сейчас разбирать весь вопрос и ответ тов. Плетнева по существу, мы сделаем это в другой связи в ближайшее время. Однако, тов. Плетнев напрасно Ленинскую отметку сводит к вопросу. Она не только вопрос. Она — возражение тов. Плетневу, она — удар по всему его построению. Посмотрим немного ниже.

Тов. Плетнев писал «... мировая революция может быть построена только силами «мы», силами классового единства. Этим бытием определяется классовое сознание пролетариата. Оно чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту». Ленин пишет сбоку: «А % строящих паровозы?» Было бы напрасным усилием пытаться и это замечание понять, как заинтересованность Ленина количеством транспортных рабочих. Это опять-таки не «вопрос» тов. Плетневу, а вместе с предыдущим «вопросом» связанное указание и возражение руководителю и создателю «новой эры» в пролеткульте. Однако тов. Плетнев и здесь пишет: «Здесь можно много гадать, но вскрыть точный смысл пометки мы, к сожалению, не имеем данных». Мы, к сожалению тов. Плетнева, попытаемся все же поднять таинственную завесу над Ленинскими замечаниями.

Из буржуазного лагеря могут прийти лишь одиночки: «Решающего значения они иметь не будут». А как с крестьянством — восклицает Ленин. И Плетнев продолжает: «классовое сознание... чуждо крестьянину, буржуа, интеллигенту». Получив дважды подчеркнутый им ответ, утверждающий чуждость крестьянству классового пролетарского сознания, Ленин ставит вопрос: а сколько же у нас пролетариев? У Ленина не было никакого желания заниматься «теоретическими» беседами по вопросу о пролеткульте. Его интересовали конкретные пути и практические формы проведения массовой культурной революции. А ему дают ответ, игнорирующий обстановку: никакого учета сил и средств пролетариата; ему преподносят программы борьбы на идеологическом фронте, в которых нет ни слова о крестьянстве. Весь вопрос-то заключается в том, чтобы учесть реальные силы «% строящих паровозы», суметь подчинить им и возглавить ими необходимую нам интеллигенцию, используя ее для поднятия масс «хотя бы до буржуазной культуры», и этот подъем масс, эту культурную революцию, захватывающую количественно больше всего и прежде всего крестьянство — ввести в пролетарское русло. Что было до всего этого тов. Плетневу...

Вопрос о % удаивается комментариев со стороны тов. Плетнева. Приведем их: «% строящих паровозы не был велик в России. Не больше он и сейчас. А вместе с тем никто иной, как именно

пролетариат «был, есть и будет» руководящей силой в революции. Это на что-нибудь да указывает».

Если эта пометка относится к тому, что «классовое сознание пролетариата чуждо крестьянину», то ничего неверного мы в этом не видим, это факт. (стр. 71).

Ленину, конечно, было бы чрезвычайно ново узнать от тов. Плетнева, что пролетариат гегемон в нашей революции. «Это на что-нибудь да указывает». Поистине так! А «указывает» приведенное положение прежде всего на абсолютную метафизичность всех рассуждений тов. Плетнева. «Не больше он и сейчас» — восклицает тов. Плетнев. Если «он» здесь действительное количество транспортных рабочих, то и оно изменилось: но ведь речь здесь идет о всем пролетариате, его силе и удельном весе. Неужели же не ясно, что одно дело — пролетариат в 1922 г., в самом начале нэп'а, и совсем другое дело пролетариат теперь — в 1926 г. Тов. Плетнев думает, что здесь можно отделаться от вопроса указанием на руководящую роль пр-та. Но это заявление в данном контексте совершенно бессодержательно. Весь вопрос встает за этим, за признанием руководящей силы пролетариата в нашей революции. Тому, кто навсегда имеет одну и ту же убогую мысль о пролеткультовской пролеткультуре достаточно принципа гегемонии, и тот будет говорить об одном и том же %. Тому же, кто хочет на деле помогать проведению Ленинской культурной революции, кто хочет, чтобы наша партия имела верную дорогу в вопросах культурного строительства, тому надлежит заниматься вопросами, встающими за общими фразами тов. Плетнева. Тов. Плетнев, далее, не находит никаких ошибок у себя и там, где он утверждал чуждость крестьянства классовому сознанию пролетариата. Первая и основная ошибка тов. Плетнева заключается в том, что он за одни скобки выносит чуждость «классовому сознанию пролетариата» и крестьянства, и интеллигенции, и буржуазии. Ему невдомек, что у всех этих слоев различное отношение к идеологии пролетариата. С точки зрения тов. Плетнева не понять того, почему мы ведем с крестьянством политику классового союза, почему мы — вместе с крестьянством, ведя его за собой, — боремся против буржуазии. Тов. Плетнев и теперь не исправляет своего прежнего утверждения, в корне противоречащего ленинизму.

Предположим, однако, что тов. Плетнев лишь оговорился, — что весьма сомнительно, ибо нельзя же предположить случайность оговорок и в 1922 г. и в 1926 г. — предположим, что тов. Плетнев вообще говорил о чуждости крестьянской идеологии пролетарской. Но и это предположение нисколько не улучшает положения тов. Плетнева. Совершенно недостаточно говорить о чуждости

крестьянской идеологии пролетарской, совершенно неправильно говорить только это. Пролетариат и крестьянство — два класса. У них имеются разные интересы и разные идеологии. Но непростительную ошибку совершает тот, кто говорит о чуждости всего крестьянства рабочему классу.

Да, и со всем крестьянством, как целым, может быть у нас расхождение в интересах (напр. политика цен на промизделия). Но с интересами бедноты и середняков пролетарские интересы совпадают гораздо больше и гораздо чаще, чем расходятся. На этом и покоится классовый союз рабочих и крестьян.

Этого и не понимает тов. Плетнев. У «крестьянства» иное «классовое» сознание, чем у пролетариата. Но крестьянство в целом класс промежуточный, крестьянство своей целостной классовой культуры создать не может. Как в области политики, так и в области культуры, оно будет идти или за пролетариатом, или за буржуазией. Разность, а не чуждость, более частое совпадение, чем противопоставление интересов — вот что характеризует отношения пролетариата с крестьянством. Неимоверно уважающий Ленина Плетнев пишет совсем иное. И какую же смелость надо иметь, чтобы по этому поводу писать будто «вскрыть точный смысл пометки мы, к сожалению, не имеем данных», и что «здесь можно много гадать». Тога уважения к Ильичу оказывается сотканной из пустой словесности, а посему она не может прикрыть лицемерия тов. Плетнева, и потому весь плетневский разбор ленинских замечаний на его статье носит фарисейский характер.

Крестьянин, в процессе своего индивидуального труда зависимый от сил природы («будет дождь, — будет хлеб»), всегда чувствует над собой от него независимую грозную силу, основа религиозных предрассудков.

Пролетарий имеет дело с совершенно ясными отношениями его к внешней природе. Он знает, что удар кайла в шахте даст известное количество руды или угля, и то, и другое вместе, в домне даст чугун, из домны не потечет молоко или вода, чугун даст железо, сталь, последние претворятся в машину, машина даст возможность с большей легкостью побеждать сопротивление материи, а в субботу будет получка. Здесь все ясно и математически точно.

Ленин опять спрашивает: «А религия рабочих и крестьян»? Легко понять, что этот «вопрос» также ставился Лениным не в порядке любознательности. Тов. Плетнев так рассуждает по этому поводу: «Весь абзац, за исключением подчеркнутой В. И. строки, по нашему мнению, ясен, и никаких ошибок в характеристике психологии, сознания пролетария и крестьянина не находим. Подчеркнута В. И. лишь одна строка: “Здесь все ясно и матема-

тически точно». Эта строка и вызвала примечание, заметку В. И. о религии». (стр. 71). Тов. Плетнев здесь совершенно напрасно сменил свою «робость» в толковании заметок В. И. на достаточно развязную смелость. Вовсе не только в цитируемой Плетневым строке, относится вопрос Владимира Ильича! На этом вопросе следует остановиться.

Тов. Я. А. Яковлев очень верно писал по поводу разбираемого абзаца из статьи тов. Плетнева: «Что это? Грубейшее непонимание классовых отношений в Советской России или беспардонная лесть «его величеству пролетариату»?

«Процент строящих паровозы» у нас очень мал. И вовсе ему не «все ясно и математически точно». Точно нет у нас малосознательных рабочих! Точно не пополняется рабочий класс у нас выходцами из крестьянства! Точно все у нас пролетарии «классово-сознательные и классово-спаянные»!

Совсем дело не в том, что различны «корни, питающие религию у рабочих и крестьян».

Дело в том, что нет для нас ничего вреднее «идеального пролетария», рассусоливаемого под кустарного героя. Работать и побеждать мы сможем только тогда, когда будем брать наш класс таким, каков он есть.

Тов. Плетнев пишет: «фраза и здесь все математически точно» ни в коем случае не лесть пролетарию, а простое указание на то, что у пролетария нет надежд на большее, чем на заранее оцененный его труд». (С. 72). Пустяки это! Во-первых, у пролетария в Советском Союзе есть уже надежда не только на его «заранее оцененный труд», а во-вторых, надежда на «иже еси на небесах» не пропадает у пролетария, только потому, что он продает свою рабочую силу на рынке товарного общества. Это у утопического пролетария, героя мещанских барышень из категории «прочих» в комсомоле, все так на 2000% большевистски твердокаменно. Да и сам тов. Плетнев прекрасно видит это, когда спускается с высоких пролеткультовских небес. Он пишет даже, что у нас в партии, среди ленинского призыва, имеется некоторое количество религиозных рабочих. И тут тов. Плетнев бросается в другую крайность: «никогда религия не стояла, как непосредственно мешавшая нам в борьбе». Из огня да в полымя. Или «математически точно», или религия нам никогда не мешала в пролетарской борьбе. Впрочем, я напрасно противопоставляю «огонь» и «полымя» у тов. Плетнева. Именно потому, что он вредно идеализирует пролетария, именно поэтому он приуменьшает реакционную роль религии. Многим ли эта фраза отличается от позиции Хеглунда? Религия не существует у Плетнева, как величайшее препятствие в деле

коммунистического воспитания масс теперь, в деле вовлечения их в революционную борьбу при капитализме. И такие вещи говорит наш «левый» теоретик пролетарской культуры. Да, не случайно, видно, мелкобуржуазные уклоны в нашей партии рядятся теперь в «левые» облачения.

Однако идеализирование пролетария далеко не случайно у тов. Плетнева. Оно необходимая составная часть всей его концепции пролеткультуры. Целый ряд пометок Ленина достаточно явственно характеризует утверждения тов. Плетнева о строительстве пролеткультуры силами одного и самого пролетариата. «Задача строительства пролетарской культуры может быть разрешена только силами самого пролетариата, учеными, художниками, инженерами и т. п., вышедшими из его среды». Ленин: «Архификция». Эта «архификция», однако, фундамент всех прежних построений тов. Плетнева. Но, очевидно, не только в 1922 году. Характеризуя те замечания, в которых он не смог разобраться, тов. Плетнев пишет, что на вопрос о строительстве пролеткультуры силами самого и одного пролетариата он ответил в связи с вопросом о крестьянстве. Что же писал там по интересующему нас вопросу т. Плетнев?

«В процессе строительства пролетарской культуры, процессе, неизбежно длительном, по мере того, как социализированное, обобщественное сель. — хоз. включается в ряд социалистич. обобщественного хозяйства Советского Союза, крестьянство входит вплотную в этих своих частях в процесс строительства пролетарской культуры» — такова точка зрения тов. Плетнева.

Формулировка прежде всего поражает своей из ряду вон выходящей небрежностью: обобщественное сельское хозяйство противопоставляется соц. обобщественному хозяйству Советского Союза. Что сей сон означает? У нас реально имеется в стране народное хозяйство, оно состоит из социалистической госпромышленности, этого ведущего начала нашего хозяйства, из неорганизованной массы товарных крестьянских хозяйств, из значительных еще элементов частного капитала. Несмотря на противоречивость этих составных частей — это единое хозяйство Советского Союза.

Что такое «социалистическое обобщественное хозяйство Советского Союза»? Это социализм, — и при том такая его фаза, когда кооперированное крестьянство вошло уже составной частью в систему социалистического хозяйства, когда исчез уже частный капитал. А это такая фаза социалистической революции, когда различия между классами сводятся ко все меньшим и меньшим отличиям. Иначе говоря, это период отмирания пролетарской диктатуры и становление бесклассового коммунистического общества.

К этому периоду тов. Плетнев «вплотную» вводит крестьянство в строительство пролетарской культуры. Великолепный ответ дает тов. Плетнев. Куда уж, в самом деле, лучше! Только как это связать с наводящими вопросами Ильича? Ответил ли тов. Плетнев Ленину, или он углубил свои прежние ошибки, превратив их в некую систему взглядов?

<...>